

Научная статья
УДК 821.512.31
DOI 10.18101/2686-7095-2021-2-53-61

СКЛАДЫВАНИЕ ЛИТЕРАТУРНОЙ РЕПУТАЦИИ МИХАИЛА ЖИГЖИТОВА: ТРИ ИПОСТАСИ

© **Башкеева Вера Викторовна**

доктор филологических наук, профессор,
Бурятский государственный университет имени Доржи Банзарова
Россия, 670000, г. Улан-Удэ, ул. Ранжурова, 6
oaelun@mail.ru

Аннотация. Рассматриваются факторы складывания литературной репутации известного бурятского писателя Михаила Жигжитова (1915–1990). Учитываются особенности трех основных его профессий — учителя, охотника-рыбака, писателя. Выделены четыре группы факторов, которые сформировали и отразили его имидж и реноме в глазах современников, прежде всего в литературных интеллигентских кругах: приход в литературу, история с медведем, особенности рассказов и повестей двух первых периодов, утверждение в писательском сообществе. Выделено особое значение победы над медведем в 1962 г. для складывания образа харизматичного победителя тайги. Проанализированы повести о байкальском Подлеморье «Снежный обвал», трилогия об Осипе Самагире «Моя Малютка-Марикан», «Тропой Самагира», «За ущельем Семи Волков».

Ключевые слова: Михаил Жигжитов, литература Бурятии, литературная репутация, образ победителя-охотника

Для цитирования

Башкеева В. В. Складывание литературной репутации Михаила Жигжитова: три ипостаси // Вестник Бурятского государственного университета. Филология. 2021. Вып. 2. С. 53–61.

Михаил Ильич Жигжитов (1915–1990)* занимает необычное место среди писателей Бурятии. Необычность в том, что он не получал профессионального образования, как многие литераторы советского времени, тем паче что писательство было делом государственной важности. Во-вторых, он пришел к писательству не сразу, лишь после 45 лет, и имел две другие профессии — учителя и рыбака-охотника. Последняя профессия оказала огромное влияние на складывание литературной репутации Жигжитова.

Учитель — первая профессия Жигжитова, особенно важная в 1920–1930-е гг. Это были годы ликвидации безграмотности и становления советской школы. Ощувив учительство как свое призвание, он внутренне соответствовал представлению об учителе начальных классов. В нем было много доброты, что отмечено взглядом подростка Эдуарда, сына А. Бальбурова: «Михаил Ильич вспоминается только улыбающийся...» [2].

* Настоящее имя Намсарай Мухаев. Сообщено сыном Константином Жигжитовым (по паспорту, а в жизни Евгений) в интервью в 2013 г. Новые биографические факты также рассказаны К. Жигжитовым.

22 года он проработал учителем (1934–1956). Для его учительского стиля важны заботливость и доброта, ведь ученики Жигжитова совсем малыши. Отцовское отношение к ним проявлялось, например, в том, что он взваливал на себя дополнительные обязанности и зимой на лыжах обходил деревни, так как у детишек 30–40-х подчас не было одежды и они не могли прийти в школу. Он очень похож был на дореволюционных учителей, и учителем был не только в рабочие часы. Стремился не просто преподавать учебные предметы, но и жить вместе с ребятами, приобщать их к культуре, спорту, астрономии, ко всему. В теплое время на большой перемене играл со школьниками в лапту. Как-то раз в Курбулике собрал мальчишек в полночь и показывал им Млечный путь, Полярную звезду, учил по звездам определять направление. Педагогический талант его проявился в воспитании собственных детей. Константин Жигжитов запомнил отцовские слова: «У учителя главная задача не писать, читать научить, а привить страсть к знаниям». Сам не стеснялся спрашивать, учиться и, будучи взрослым, учился и охотничьему, и писательскому делу. Говорил: «Учиться надо всю жизнь!»

Однако, повлияв на человеческие качества Жигжитова, учительство практически не отразилось в творчестве, если не считать краткого описания дебюта молодого учителя во второй книге трилогии «Подлеморье». А вот профессия рыбака, особенно профессия охотника (Баргузинское промыслово-охотничье хозяйство, 1956–1969) оказала решающее влияние на восприятие Жигжитова-личности и Жигжитова-писателя. Он уже жил в эти годы в знаменитой байкальской деревне Максимиха.

Отметим четыре момента: приход в литературу, история с медведем, рассказы и повести Жигжитова, утверждение в писательских кругах, так или иначе, связанные с его охотничье-рыбацким опытом. Причем Михаил Ильич, как и в других профессиях, сумел стать первоклассным рыбаком-нерповщиком и охотником-соболятником, медвежатником. Последнему занятию он специально учился, прежде всего у Николая Монхонова, прожившего почти всю жизнь на севере Бурятии.

Открытие Жигжитова как талантливого писателя состоялось примерно в 1956 г., когда Африкан Бальбуров и другие авторы заехали в Максимиху к охотнику Жигжитову. Именно в этом кругу учитель и охотник впервые прочитал свои записки, которые вызвали активный интерес у слушателей [2, с. 80]. Как охотник же, не из чужих уст знающий эту суровую жизнь, он привлек внимание журналистов газеты «Баргузинский вестник», когда стал заходить к ним в начале 1960-х гг. и делиться своими историями, записанными в том числе в дневниках. Газетчики так и называли его — «охотник из Максимихи», от него пахло тайгой, дымом костров. Журналисты помогали ему править рассказы и удивлялись, как фантастически быстро растет в нем профессиональное мастерство: «Его труд и терпение изумляют» [6, с. 3].

А. Бальбуров полемизирует с такой точкой зрения: «Жигжитова никто не делал писателем, ибо никакой журнал, никакое издательство не в состоянии вдохнуть в человека талант, притом талант мощный и оригинальный. Быть может, мы помогли этому таланту проявиться» [1, с. 135]. Согласимся, писатель Михаил Жигжитов сформировал себя сам.

На вопрос журналиста газеты «Правда» Жигжитов раскрывает свой принцип писательства, в чем-то соотносимый с реалистическим методом, но особым образом связанный с фактографией и личным опытом: «Пишу о том, что хорошо знаю, что видел своими глазами. О рыбаках, охотниках. <...> пишу только о том, что было. Да и зачем выдумывать? Жизнь богаче и ярче любой фантазии» [8, с. 6]. Именно это, «художественную литературу на документальной основе», считает актуальной А. Бальбуров: сила М. Жигжитова — «в безусловном и достовернейшем знании своего материала, редкого и для всех красивого, которым он владеет непринужденно и весело» [1, с. 138]. Вот эта опора на действительность личного опыта была определена другим байкальским выходцем — поэтом Андреем Румянцевым так: пишет «художественно полнокровно, обжигающе наглядно и правдиво» [7]. Сам Жигжитов дает такое автоопределение: «Я ведь прежде всего охотник, рыбак, а уж потом “без отрыва от производства” писатель» [8, с. 6].

В своих рассказах и повестях он в полной мере опирается — тематически, персонажно, в художественных деталях — на свой опыт. Его рыбацьи рассказы создаются именно с опорой на личный опыт. Рассказ «В нем умирает трус» основывается на жизненном случае, когда в роли нерповщика, спасающего товарищей от верной гибели и с опасностью для жизни доставляющего им доски, был сам Жигжитов. Или другая история, которая отголосками звучит в его творчестве, когда с четырьмя подстреленными нерпами на санках в собачьей упряжке возвращался на берег, но попал в полынью. С трудом выполз на льдину, стал вырывать из ледяной воды визжащих собак. Разрезал веревки на санках, и весь груз ушел под воду, с трудом вытащил собак, погрузил их на сани и скорей в деревню, и лишь там хватился, заплакал горькими слезами, что самая хорошая собака, родоначальница всех его собак, захлебнулась в воде [8].

Опыт соболиной охоты богат. Вообще, соболятник — это «охотник высшего класса, которых в тайге чтят весьма высоко. Это такие охотники, которых можно сравнивать разве с охотниками за женьшенем в Уссурийской тайге, то есть фанатики своего дела, преданные ему до мозга костей» [1, с. 135]. Вся трилогия о Самагире строится на этом.

Огромное влияние на складывание литературной репутации Михаила Жигжитова оказала совсем не литературная история. Охотник, уже напечатав первые два своих рассказа, попал в оказию на охоте, и эта оказия сотворила неувядаемый миф о нем и придала личности писателя ни с чем не сравнимую харизму. Из-за победы над медведем так легко разошлась среди интеллигенции весть о смелом, непобедимом охотнике. За его плечами к маю 1962 г., когда случилась эта история, было уже 48 медведей.

Он отправился на охоту в местности Разведенцы рядом с Духовым озером и не взял с собой собак, что, конечно, было оплошностью. На мокром месте (снег в ложбинках) увидел след медведя, проверил карабин. Этот зверь вырвался из плохо поставленной местным максимихинским стариком петли, на одной из его лап болтался кусок тонкого стального прута. Медведь умен и хитер, он затаился, прыгнул сзади, выбил мелкокалиберное ружье из рук Жигжитова. Когда двухметровый трехцентнеровый зверь встал на дыбы, охотник не потерял самообладания, сунул правую руку в его пасть и потянул за язык, перекрыв кислород.левой рукой достал нож и вонзил его в сердце хищника. В предсмертных судорогах

с проколотым сердцем медведь ударил его по голове, норовил снять с него скальп. К счастью, зверь упал в другую сторону, а не на раненого человека, нанес 39 ран, содрал кожу отовсюду, откуда успел.

Дальше охотнику предстояло выбраться к людям. Карабин спрятал, рубашку порвал, перетянул большие раны и медленно, с остановками через 100 шагов, чтобы передохнуть, начал продвигаться к дороге. За 8 часов прошел 8 километров. Выполз к дороге, тут его увидели и отвезли в Усть-Баргузинскую больницу. Организм охотника был крепкий, все быстро заживало, через 10–12 дней вернулся домой. Лечащему хирургу подарил шкуру убитого медведя, а череп медведя прибил над входной дверью как памятный знак. На медведей после этого еще долго охотился и как-то написал сон: «Снова добыл медведя и, что самому нравится, — штаны не трясутся» [3].

Случай был описан в газете «Правда Бурятии», воспет Ю. Рытхее во всесоюзной газете «Сельская жизнь». Максимиха стала местом своеобразного паломничества московских и иных гостей. Порой их так было много, что друзья жаловались: «За твоим столом всегда не хватает места». Гостями дома Жигжитова бывали такие поэты и писатели, как Евгений Евтушенко, Юрий Рытхее, Владимир Санги, известный казахский прозаик Сабит Муканов. Запомнился визит знаменитого советского разведчика английского происхождения полковника Рудольфа Абеля. Он приезжал инкогнито, где-то между 1962 и 1971 гг., когда уже жил в СССР. Бывали журналисты Елена Имбовец, Олег Гусев, чешская журналистка-международница Драгомира Шлехтова и другие.

И вот эта героическая история оказала влияние на особое отношение литературных редакций к творчеству Жигжитова. Чего стоит состоявшееся в марте 1972 г. в Москве беспрецедентное по своей уникальности заседание Секретариата Союза писателей РСФСР, посвященное обсуждению произведений Михаила Жигжитова. Заседание вела поэт Людмила Татьяничева, которая позднее посвятила ему стихотворение «Соболятник. Михаилу Жигжитову». Участниками заседания были такие известные писатели, как Владимир Тендряков, Виль Липатов, Сергей Крутилин, критик Галина Колесникова и другие писатели.

Обсуждение проходило гладко, бесконфликтно, много добрых слов было произнесено. С. Крутилин выразил мысль многих: «Перед нами бесспорный художник со своей сложившейся и, надо сказать, оригинальной, никого не повторяющей творческой манерой» [1, с. 133]. Владимир Тендряков, которого Жигжитов очень ценил, считал своим учителем, произнес фразу, вызвавшую впоследствии целую дискуссию: «Михаил Жигжитов — это Дерсу Узала, взявшийся за перо!» Через 9 лет в 1981 г. в предисловии к трилогии «Подлеморье» В. Тендряков уточнит, что это не совсем так: «Да, Михаил Жигжитов таежный охотник... Но вовсе не дремучий лесовик, дитя природы. До того как стать охотником-профессионалом, он был школьным учителем, знаком с русской литературой, знает монгольский язык, читал старинные монгольские книги» [4, с. 6].

Вообще мысль о Дерсу Узала впервые пришла в голову именно самому Жигжитову, ибо в 1967 г. его герой Валерка в рассказе «Хозяин Медведь-озера» читает о нанайце Дерсу Узала. Книга В. Арсеньева, опубликованная в 1923 г., в 1950–1960-е гг. была хорошо известна, входила в круг популярного чтения для детей и юношества. Можно предположить, что Жигжитов волей или неволей обращался к известному материалу о писателе-натуралисте.

В том же 1973 г. идею повторила Инесса Буркова в предисловии «Дерсу-Жигжитов» к книге «Избранное», вышедшей в издательстве «Советская Россия». К ней в этом же году полемически обратился А. Бальбуров: «Дерсу Узала — это часть тайги, и в этом его прелесть. А Михаил Жигжитов — это просвещенный и думающий хозяин тайги, стоящий над тайгой, над всем, что в ней есть, было и будет, что в ней происходит. И в этом его сила» [1, с. 135].

Но еще раньше, в 1971 г., сын А. Бальбурава литературовед Эдуард Бальбуров создал иной типологический ряд русских писателей для объяснения литературного творчества Жигжитова: «Аксаков, Пришвин, Соколов-Микитов и др. — все они — охотившиеся писатели. Жигжитов — пишущий охотник (это два разных явления литературы)» [2, с. 83]. И дальше разъясняет: «Жигжитов пишет не просто о природе, охоте и охотничьей страсти. Он пишет об охотниках, которые пришли в тайгу не “поохотиться”, а на работу. Перед нами настоящие охотники на настоящей охоте» [2, с. 83]. Из этих двух правд первая оказалась эффективнее, именно она вкупе с победой над медведем вызвала обостренный и, признаемся, теплый интерес советского писательского и журналистского сообщества к Жигжитову.

Сквозь призму этой идеи вольно или невольно рассматривается его творчество. В первом опубликованном рассказе Жигжитова «Преступление в тайге» (1960 г., газета «Баргузинская правда», а затем республиканская газета «Правда Бурятии») поднята антибраконьерская тема. Жигжитову в момент начала нового этапа жизни и отсчета времени новой профессии уже 45 лет; творить он будет до 1986 г. Рассказ сразу показал, в чем сила писателя: определенность идеи, композиционная стройность, умение строить конфликты и рисовать характеры, выразительность детали, лаконичность. А еще взгляд наблюдателя, который очень четко ориентируется в живом пространстве мира и для которого важно назвать, где происходит действие. Отсюда роскошь обращения к байкальской топонимике: речка Булатиха, гора Медведь, местности Талбаган, Разведенция, Молоканы.

Вот эта самоделанность, возможно, определила постепенность его жанрового становления — от малого жанра рассказа к среднему — повести, а затем к крупному жанру романа. Приблизительно по несколько лет длились этапы рассказа и повести, этого времени было достаточно для ориентирования в жанре. Первый этап его творчества — написание рассказов длился с 1960 по 1967 г. Помимо «Преступления в тайге» это рассказы «Он обокрал себя», «На озере Медвежьем», рассказ-быль «В байкальских льдах», серьезно связанные с образами Байкала и нерповщиков — этой удивительной байкальской профессией. Часть рассказов подверглась в дальнейшем серьезной правке.

Несколько описательное, неопределенное название «В байкальских льдах» (1961) для публикации в 1963 г. в газете «Советская Россия» сменилось на утвердительное и позитивное название «В нем умирает трус». Были уточнены отдельные психологические характеристики, изменены пейзажные и иные детали, а главное, кардинально изменилась идея рассказа. Если в первом варианте эгоистичный, трусливый герой Иван просто убегает, рассказчик хочет его остановить, опытный рыбак Дугар не позволяет этого сделать, ибо признает существование трусов и не стремится никого ни наказывать, ни переделывать. Во втором же варианте появляется указание на состояние убегающего Ивана, испытывающего душевную боль. Конечно, это стыд, самообвинение, пробуждающееся чувство ответственности. Отсюда и новая, финальная, фраза Дугара: «Придет, — уверенно сказал он. — В нем трус умирает, смелость родиться хочет» [4, с. 451].

Рассказ о Медвежьем озере существует в двух вариантах. Газетный вариант «На озере Медвежьем» (1963), опубликованный в «Правде Бурятии», станет основным для других изданий, прежде всего для московского издания 1967 г. В данном варианте Валерка вместе с дедом Аргалом, в свое время хлебнувшим горечь сиротства, спасает лес от большого пожара. Акцент сделан на радостном переживании жизни в природе и на совместном героическом и одновременно обыденном поступке внука и деда. В том же 1967 г. писатель дал вторую версию рассказа в журнале «Байкал» под названием «Хозяин Медведь-озера». Это расширенная версия, в которой показано, как категоричность, максимализм, непопулярность подростка Валерки Баргутова, сына лесника, меняются, как ложный «браконьер» Фадеич, у которого он угнал лодку, организует борьбу с лесным пожаром. Подросток и в этом варианте спасает старика от смертельного угара. Из псевдохозяина Медведь-озера парнишка становится настоящим его хозяином.

Первые повести «Снежный обвал» (1963?), «Парень из Ирindaкана» (1964) также связаны с таежной и байкальской жизнью. Первую повесть Жигжитов писал долго, около 16–17 лет. В ней он вводит географический концепт «Подлеморье» и поясняет, что это место — земля «у моря, у Байкала». И признается в своей любви к родному краю: красивые леса, стремительные реки, байкальские берега и острова, горные озера, наконец люди: «Вы повстречаете интересных людей, с особым складом характера: по-сибирски выносливых, немногословных и смелых. Внешне они грубоватые, сдержанные, но это лишь впечатление первых минут встречи, а когда поближе познакомитесь, заведете дружбу — познаете теплоту и щедрость сердца» [4, с. 31].

Действительно, таковы герои исторической повести, созданной по рассказу старожила Подлеморья. Принцип двух рассказчиков внешне напоминает русскую романтическую повесть, но принципиально отличается от нее тем, что у Жигжитова базовая жанровая основа — быль, реально случившееся событие. Шесть охотников, в том числе излюбленный, сквозной герой Жигжитова эвенк Тымауль, от которого Жигжитов многое узнал об эвенках и Подлеморье, действительно показаны как теплые и щедрые сердца. Смерть под обвалом 65-летнего Бирауля, который нес с собой драгоценную добычу — тяжелым трудом и умом добытых соболей, не возбудила в душах других охотников сожаления о пропавших соболях, а показала лучшие качества их характера. Чувствуется, что задача писателя была противопоставить человечность простого человека, скорбящего о смерти другого, алчности купца Соломона Лазаревича, из-за золота доведшего своего слугу до смерти.

Тесная связь с жизнью породила и повесть «Парень из Ирindaкана», в которой писатель обратился к истории своего сына Евгения, ставшего прототипом главного героя Броньки Тучинова. Главное здесь — попытка показать стремление героя определиться в жизни, поиск им профессии на воде и в тайге.

Таежная тема широко раскрыта и в трилогии из повестей, сквозным героем в которой становится тунгус Осип Самагир: «Моя Малютка-Марикан» (1967), «Тропа Самагира» (1969), «За ущельем Семи Волков» (1970). Примечательно, что становление данного героя в послереволюционный период отражено в его именовании — от Оськи (ч. 1) через Оську Самагира, Одинокого Волка (ч. 2) до Осипа Самагира (ч. 3).

Коренное изменение жизни народов СССР после Великой Октябрьской социалистической революции — тема для социалистического литературного мейн-

стрима. Тема абсолютно необходимая, ибо важно было донести до советских людей суть коренного преобразования действительности в интересах не элиты, как обычно до того бывало в истории, а в интересах народа. Это делали в жанрах и повести, и историко-революционного романа. Жигжитов как будто шел вслед за другим бурятским писателем — Владимиром Корнаковым, который в школьные годы жил на севере Бурятии в Баунтовском районе и первым в литературе региона поднял тему эвенков в первом романе — трилогии «В тайге у Витима» (1962–1988) и романе «В гольцах светает» (1962).

Но у Жигжитова другой поворот, другая динамика, другой жизненный опыт, как раз вытекающий из реального жизненного противоречия между тунгусами, породные земли которых находились в Подлесье, и руководством Баргузинского заповедника, разбитого еще при императорах Романовых на прибайкальской территории. Незаемное противоречие, в котором проявляется не только идеологический характер, — вот основа конфликтологии и характерологии у Жигжитова.

С одной стороны, рыцари без страха и упрека директор заповедника обрусевший чех Зенон Францевич Сватош, молодые стражники Виктор и Бимба, с другой — воры из принципа или по жизни Оська и русский Петрован Хабель. Причем если Хабель откликнулся на человеческое благородство спасшего его Сватоша, довольно быстро осознал значение для страны сбережения и выращивания соболя и стал стражником заповедника, то Оська проходит более тяжелый путь. Ему предстоит преобразовать свою веру в тунгусских духов и богов — Великого Мани и Горного Хозяина в веру в новую власть и новых людей Страны Советов, отстаивающих социальную справедливость.

Во второй повести цикла «Тропа Самагира» он находится на перепутье, в желании найти новых товарищей, создать семью, попадает в богатейший нетронутый баргузинский край Баян-Ула. В третьей повести «За ущельем Семи Волков» постаревший Осип распространяет баргузинского соболя в Баян-Ула, более того, становится носителем природосообразной этики, человеком, который не поддается на злые толчки времени, на стяжательство и сохраняет тонкую связь с растениями, животными, в целом — с природой как домом человека. Охота на соболя сменяется разведением соболей. В каком-то смысле, своей непреклонностью, ответственностью герой становится близок автору повести.

Повесть «От Святого до Горемыки» (1971) вновь обращает Жигжитова к современности, к суровым байкальским будням. Повесть начинается с истории жизни, побед и драмы башлыка (бригадира), рыбака и охотника Петра Стрельцова, продолжается историей мужания бурята рыбака Михаила Жигжитова. В повести намечен контраст между дореволюционной и советской жизнью, показано изменение условий труда, появление катеров, но главное не меняется. Байкал, северная природа, неожиданности погоды создают стабильно напряженные ситуации, в условиях которых человек должен не только выполнить свои задачи, но и, в случае чего, выжить.

Смерти героев здесь почти как на войне, опасности на каждом шагу: это может быть шторм, вскрывающийся лед, встреча с медведем. Не случайно Мишка так оценивает езду по тающему весеннему Байкалу: «...постоянное чувство обреченности. С минуты на минуту ждет парень, когда начнется дьявольская работа ветра, — искромсанный на мелкие куски лед будет напирать один на дру-

гой...» [4, с. 408]. В повести «Парень из Ириндакана» встреча человека с опасностью описана очень остро: «Смерть не только в глазах, она уже жуёт человека, даже слышно, как хрустят кости в зубах у зверя... И все равно, если не растеряется человек, он выходит победителем!» [4, с. 295].

Побеждают поморы, люди, которые ведут свое происхождение не от каторжан и разбойников, а от свободно пришедших в Сибирь людей, те, кто гордится своим происхождением и своим именем. Писатель показывает, что труд рыбака — это прежде всего трудное занятие, как и всякий труд. Он пропевает гимн самому труду, а говоря о поморах, поет гимн очень рискованному труду и отчаянным, рискованным, дерзким, отчаянным, даже безумным характерам. Трудности, холод, голод — их возможные товарищи, и смерть всегда ходит рядом с ними. Как будто рыбаки, преклоняясь перед Байкалом, все-таки надеются его переспорить. И этот вековечный диалог-спор ведут у Жигжитова настоящие мужчины, они и есть трудовой народ, герои без страха и упрека. Сравнивая их с интеллигентом-горожанином Зиловым из вампиловской пьесы «Утиная охота» (1967), мечтающим о легкой охоте на уток, видно, как его избалованность книжным знанием и легковесностью отношения к жизни, скептическим умом и беспринципностью создает абсолютно противоположный жигжитовскому тип героя.

На упоминавшемся заседании секретариата СП состоялось и уникальное событие — была дана рекомендация издательству «Современник» заказать Жигжитову новое крупное произведение на тему жизни байкальского побережья, чем и стала трилогия «Подлеморье» [5, с. 148]. Вообще, писательская судьба Михаила Жигжитова удивительна. Ему не приходилось бороться за публикации, с кем-то конкурировать, писать в стол, годами ждать обнародования. Все как будто шло ему в руки, почти так, как медведи в баргузинской тайге.

И секрет, видимо, в том, что писатель был очень строг к себе и ничего пустяшного не создавал. Сохранились редкие черновики из сгоревшего в пожаре архива, по которым можно судить, как тщательно он, зачеркивая-перечеркивая не удовлетворяющие его фрагменты, работал над своими текстами.

В его творческой удачливости сыграло свою роль то особое место, которое он занял в литературе не только Бурятии, но и всей страны. Многим он казался не обычным писателем, в тиши кабинетов корпящим над своей писаниной, а вольным рыбаком и охотником. Этаким байкальский Джек Лондон, романтик, пионер Баргузинской тайги или следопыт Фенимора Купера, в любом случае — яркая, оригинальная личность, по какой как будто тосковала интеллигенция Страны Советов.

Примечательно, что вначале он действительно творил не за письменным столом, ведь в маленьком домике было шумно и тесно — росло 7 детей. По воспоминаниям А. Бальбурова, Жигжитов «писал вначале не иначе, как где-нибудь в прибрежной лесной глуши. Сколько раз я видел его в этом потайном «доме творчества», сидящего на пне и пишущего на другом, более высоком пне, на прибитой к нему доске» [1, с. 134].

Писатель прожил 75 лет, в течение которых постепенно крепла его связь с образом легендарного героя-охотника и создателя страны с названием Подлеморье. Сын Константин в месте, особенно любимом Жигжитовым-рыбаком, на мысе Крестовом (Базякинском), что в двух с половиной километрах от Максимихи, сделал навес, шалашик и заказал в честь отца мемориальную досочку, подписав: «Памяти Михаила Жигжитова, охотника, рыбака, писателя».

Статья поступила в редакцию 24.11.2020; одобрена после рецензирования 28.01.2021; принята к публикации 25.03.2021.

Литература

1. Бальбуров А. Певец байкальского Подлеморья // Байкал. 1973. № 1. С. 133–138. Текст: непосредственный.
2. Бальбуров Э. Новаторство времени // Байкал. 1971. № 4. С. 80–88. Текст: непосредственный.
3. В плену у Подлеморья // Аргументы и факты. 2009. 30 июля. С. 4. Текст: непосредственный.
4. Жигжитов М. Избранное. Москва: Сов. Россия, 1973. 464 с. Текст: непосредственный.
5. Михаилу Жигжитову — 60. Наши юбилары // Байкал. 1975. № 6. С. 148. Текст: непосредственный.
6. Натаев П. Певец Подлеморья // Правда Бурятии. 1972. 9 апр. С. 3. Текст: непосредственный.
7. Румянцев А. Привычной тропой правды // Румянцев А. Певцы родной земли. URL: <http://selorodnoe.ru/poetry/show/id3713200/> (дата обращения: 16.06.2021). Текст: электронный.
8. Симаков Н. Романтики сурового края // Правда. 1973. 27 янв. С. 6. Текст: непосредственный.

Статья поступила в редакцию 19.03.2021; одобрена после рецензирования 30.05.2021; принята к публикации 30.06.2021.

FORMATION OF MIKHAIL ZHIGZHITOV'S LITERARY REPUTATION:
THREE HYPOSTASES

Vera V. Bashkeeva

Dr. Sci. (Phil.), Prof.,

Banzarov Buryat State University

6 Ranzhurova St., Ulan-Ude 670000, Russia

oaelun@mail.ru

Abstract. The article reviews the factors of formation of the literary reputation of the famous Buryat writer Mikhail Zhigzhitov (1915-1990). The features of his three main professions are taken into account — a teacher, a hunter-fisherman, a writer. Four groups of factors have formed his image and reputation in the eyes of his contemporaries, primarily in literary community: coming to literature, the story with the bear, features of stories of the first two periods, approval in the literary community. The article shows special significance of the victory over the bear in 1962 for the formation of the image of the charismatic taiga commander. The article analyzes the stories about the Baikal Podlemorye "Snowfall", the trilogy about Osip Samagir "My Baby-Marikan", "The Samagir Trail", and "Beyond the Gorge of Seven Wolves".

Keywords: Mikhail Zhigzhitov, literature of Buryatia, literary reputation, image of hunter

For citation

Bashkeeva V. V. Formation of Mikhail Zhigzhitov's literary reputation: three hypostases. Bulletin of Buryat State University. Philology. 2021; 1: 53–61 (In Russ.).

The article was submitted 19.03.2021; approved after reviewing 30.05.2021; accepted for publication 30.06.2021.